

УДК 159.923

Е.Л. Трофимова*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация***Г.П. Геранюшкина***Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация***С.К. Малахаева***Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДРОСТКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

АННОТАЦИЯ. Временная перспектива может быть описана как отношение человека к своему личному прошлому, настоящему и будущему. Временная перспектива определяет уровень психического здоровья личности, оказывая воздействие на самоэффективность человека, готовность к преодолению трудностей. Конструктивное разрешение кризиса идентичности в подростковом возрасте невозможно без понимания динамических изменений и их связи с жизненными событиями на различных временных отрезках. Решение задач самоопределения, в том числе и в контексте профессионального становления предполагает умения ставить перспективные цели и планировать реальные шаги по их достижению. В статье рассматриваются различия восприятия времени подростков с ОВЗ и подростков, имеющих показатели здоровья в норме. Анализируются межвременные связи, приоритетность временных установок, календарные периоды временной перспективы, позитивные и негативные мотивационные объекты. Характеристика подростков с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) зависит от разных показателей, определяющим показателем является дефект здоровья, от которого и зависит настоящая и будущая деятельность индивида.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Временная перспектива, мотивационные объекты, подростки с ограниченными возможностями здоровья.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 2 ноября 2019 г.; дата принятия к печати 2 декабря 2019 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2019 г.

E.L. Trofimova*Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation***G.P. Geranyushkina,***Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation***S.K. Malakhayeva***Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

FEATURES OF THE TIME PERSPECTIVE IN ADOLESCENTS WITH HEALTH DISABILITIES

ABSTRACT. The time prospective can be described as relation of a human being to his personal past, present and future. The time prospective determines the level of personal psychological health exercising influence upon self-efficiency of the human being, his readiness to overcome difficulties. A constructive solution of the identity crisis in adolescent age is not possible without understanding the dynamic changes and their connection with life events during various time periods. Solution of self-determination tasks, including those in terms of professional becoming presupposes the

© Трофимова Е.Л., Геранюшкина Г.П., Малахаева С.К., 2019

Baikal Research Journal

электронный научный журнал Байкальского государственного университета

skills of setting prospective goals and of planning real steps in their implementation. The article examines the differences of perceiving time with the adolescents with health disabilities and the adolescents having normal health indicators. It analyses the inter-time ties, the order of priorities in time setups, the calendar periods of time prospective, the positive and negative motivational objects. The characteristics of adolescents with health disabilities depends on various indicators, and the determining indicator is the health defect which specifies the dependence of the individual's present and future activity.

KEYWORDS. Time perspective, motivational objects, adolescents with health disabilities.

ARTICLE INFO. Received November 2, 2019; accepted December 2, 2019, available online December 29, 2019.

Введение

В отечественных и зарубежных подходах категория психологического времени рассматривается авторами через ряд понятий, таких как: «временная протяженность» психологического настоящего в жизненном пространстве (К. Левин); временной горизонт (Т. Коттл), Ж. Нюттен под временной перспективой понимает наличие во внутреннем плане разноудаленных во времени объектов-целей и др.

Так, в работах Ж. Нюттена, временная перспектива рассматривается через такие понятия как: «временная ориентация» и «временная установка» [1, с. 354–373]. Термин «временная ориентация» означает, что наряду с объектами и явлениями настоящего времени, воспринимаемым индивидом как «здесь и теперь», существуют и другие объекты, о которых объект думает и которые актуализируют его активность и влияют на его поведение в той же мере, как и непосредственно им воспринимаемые. Данные объекты-цели несут в себе мотивационные, доминирующие знаки и определяют направленность индивида на события или объекты прошлого, настоящего или будущего. Временная установка, в свою очередь, показывает настроенность индивида по отношению ко времени — позитивную или негативную. Автор вводит также понятия о действенной/мотивационной и когнитивной/воображаемой временной перспективе [1].

Пространственная модель Т. Коттла [2] предполагает наличие двух моделей психологического времени — пространственного и линейного. Линейное время представляет собой длительность, последовательность, с помощью которой индивид измеряет время. Пространственная модель существует для переживания времени в трех измерениях — прошлом, настоящем и будущем. Причем данные модели существуют в сознании индивида одновременно, но конкурируют между собой. Для исследования временной перспективы Т. Коттлом была разработана методика графического теста (круги Коттла), основанной на пространственной модели времени.

Известна теория временной перспективы Ф. Зимбардо, согласно которой временная перспектива является основным аспектом в построении психологического времени человека [3].

К.А. Абульхановой-Славской для описания временного модуса человека были выделены следующие понятия: жизненная позиция, жизненная линия и жизненная перспектива [4; 5].

Е.И. Головаха и А.А. Кроник описывают три вида (масштаба) психологического времени по степени переживания временных интервалов: ситуативный, биографический и исторический [6].

Временная перспектива изучается в контексте процессов социализации (Ф. Зимбардо, Т. Коттл, К. Левин, Ж. Нюттен, Е.И. Головаха, И.В. Дубровина, А.А. Кроник, С.Л. Рубинштейн, Д.И. Фельдштейн и др.). Рассматриваются особенности

временной перспективы в различных возрастных, социально-демографических группах, анализируются связи с индивидуально-типологическими характеристиками личности, (Ж.А. Леснянская, И.В. Рябикина, Е.И. Осин, А.А. Кулик и др.).

Так в современных зарубежных исследованиях доказывается влияние временной перспективы на самоконтроль [7].

А. Przepiorkaa, М. Sobol-Kwapinskab предположили, что соотношения между временной перспективой и удовлетворенностью жизнью опосредуются религиозностью личности. Одним из контекстов, в которых интерпретировались результаты, был инструментальный подход к религии, в котором религия рассматривается как средство получения выгоды для себя, например, средство забыть о проблемах, оправдать и прийти к чувству душевного комфорта. Внутренняя религиозность и внешняя религиозность выступают, по мнению авторов, модераторами связи между временной перспективой и удовлетворенностью жизнью. Религиозность, особенно внешняя снижает силу негативных отношений между прошлой негативной перспективой и настоящей фаталистической временной перспективой и удовлетворением жизнью. [8].

Появляются работы, посвященные значимости временной перспективы для психического здоровья, в частности, выявлено, что временной профиль изменяется у пациентов с депрессией: обнаружены различия между пациентами с депрессией и участниками без депрессии, а также связи параметров временной перспективы с симптомами депрессии и тревоги. Результаты показывают, что пациенты с депрессией демонстрируют более негативное представление о своем прошлом, менее гедонистический взгляд на свое настоящее и более фаталистический взгляд по сравнению с участниками без симптомов депрессии. Регрессионный анализ подтвердил, что симптомы депрессии и тревоги связаны с отрицательным прошлым и фаталистическим настоящим, и аналогичные результаты обнаруживаются при корреляционном анализе. Эти результаты подчеркивают важность рассмотрения временного профиля у пациентов с депрессией и способствуют углубленному изучению взаимосвязи между временными установками и расстройствами настроения. Обсуждаются терапевтические перспективы[9].

Сложно переоценить важность ощущения времени для подросткового и юношеского возраста, когда оформляется мировоззрение, жизненные ценности, осуществляется профессиональный выбор. Актуальность нашего исследования определяется, кроме того, еще и специфичностью выборки испытуемых — подростки с ограниченными возможностями здоровья.

В категорию подростков с ограниченными возможностями здоровья включаются как подростки-инвалиды, так и те, которые не признаны инвалидами, но имеют ограничения жизнедеятельности. Такие подростки требуют особого подхода в воспитании и обучении [10; 11].

Статья 5 Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации» провозглашает, что «создаются необходимые условия для получения без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, для коррекции нарушений развития и социальной адаптации, оказания ранней коррекционной помощи на основе специальных педагогических подходов и наиболее подходящих для этих лиц языков, методов и способов общения и условия, в максимальной степени способствующие получению образования определенного уровня и определенной направленности, а также социальному развитию этих лиц, в том числе посредством организации инклюзивного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья»¹.

¹ Об образовании в Российской Федерации (ст. 5) : Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ : (ред. от 02 дек. 2019) // СПС «КонсультантПлюс».

Течение болезни, длительное нахождение в стационаре может приводить к ощущению «выпадения» из реальной жизни, однообразие, негативные эмоции способствуют превращению настоящего времени в «тягучее», «застыванию» времени. И эти изменения в ощущении времени касаются не только самого подростка, но и близких членов его семьи. Например, А.А Кулик, рассматривая особенности временной перспективы семей, воспитывающих детей-инвалидов, резюмирует, что «трудная жизненная ситуация, связанная с присутствием в семье ребенка-инвалида, приводит к временной дезинтеграции личности, отсутствие четкой связи жизненных событий с перспективой будущего приводит к сужению временного континуума» [12].

В зависимости от тяжести заболевания, у подростков с ОВЗ могут диагностироваться: сложности восприятия информации, им необходимо более длительное время для приема и переработки сенсорной информации, недостаточная сформированность пространственных представлений, представлений телесного благополучия [13; 14], так как они лишаются части доступных их здоровым сверстникам каналов получения информации и ограничены некоторыми возможностями предметно-практической деятельности; эмоциональная и физическая зависимость от родителей; виктимность; эгоцентрическая, потребительская позиция, склонность к манипулированию и апелляция к ограничениям здоровья; негативное самоотношение, отсутствие толерантности в самоотношении [15] и др.

Следовательно, у подростков с ОВЗ со спецификой нозологии, дефектами здоровья будут связаны возможности вести активный образ жизни, доступность передвижения, степень самостоятельности, а также отношения в семье, отношения со сверстниками, что может осложнять настоящую деятельность индивида и способствовать возникновению установок на неопределенность будущего, затрудняя самоопределение, прежде всего профессиональное.

Задачами исследования было сравнить субъективное ощущение времени, индивидуальные установки, связанные со временем, мотивационные объекты подростков с ОВЗ и подростков, имеющих показатели здоровья в норме.

Методы исследования

Выборка была представлена подростками 14–16 лет, всего 30 школьников, из них 15 подростков с ОВЗ (заболевания опорно-двигательного аппарата), и 15 подростков с показателями здоровья в норме.

В качестве методов исследования были использованы:

- тест кругов Коттла, позволяющий оценить связанность временной перспективы и предпочтение или значимость той или иной временной перспективы;
- опросник ZPTI (ZimbardoTimePerspectiveInventory), адаптированный А. Сырцовой [16; 17], направленный на измерение индивидуальных установок, связанных со временем: позитивное прошлое, негативное прошлое, гедонистическое настоящее, фаталистическое настоящее и будущее. Оценивается степень баланса этих шкал, уход в негатив или преобладание позитивных установок;
- тест мотивационной индукции Ж. Нюттена (ММИ), позволяющий выявить мотивационные объекты испытуемых и измерить удаленность во времени событий будущего. Мотивационные объекты могут быть отнесены к следующим категориям:

S — личность субъекта (мотивация, относящаяся к целостности личности и к отдельным ее характеристикам);

SR — самореализация, успех в жизни;

R — созидательная активность, учеба;

C — социальные контакты (поведение по отношению к другим);

Е — познавательная и исследовательская мотивация;
Т — трансцендентальные темы (наука, идеология, свобода, независимость);
Р — обладание (приобретение, совершение покупок, владение собственностью — особый способ взаимодействия с объектами);
L — досуговая активность, отдых, удовольствия;
Tt — относящиеся к процедуре заполнения;
U — неклассифицируемые объекты, относящиеся ко всему периоду предстоящей жизни, которые нельзя точно локализовать по времени.

Обсуждение результатов исследования

Исследование субъективного ощущения времени у респондентов данной возрастной группы посредством теста Коттла позволило сделать вывод о том, что структура временных представлений подростков (как с ОВЗ, так и нормативными показателями здоровья) отличается рыхлостью, дискретностью. В то же время здоровые подростки демонстрируют связанность перспектив будущего со своим прошлым, у школьников с нарушениями здоровья значения связи между данными временными перспективами находятся на уровне минимальных значений (различия достоверны по критерию Стьюдента при $p = 0,01$).

По степени значимости временных перспектив все опрошенные подростки представляют приоритеты следующим образом: будущее, настоящее, прошлое. Предпочтение будущего в группе испытуемых с заболеваниями опорно-двигательного аппарата достоверно выше, что можно интерпретировать как принижение субъективной значимости прошлого и настоящего.

Для углубленного изучения временных установок подростков была применена методика Зимбардо.

По среднегрупповым показателям ориентация временных перспектив подростков с ОВЗ распределились следующим образом:

- На 1 месте — негативное прошлое;
- На 2 месте — позитивное прошлое;
- На 3 месте — гедонистическое настоящее;
- На 4 месте — будущее;
- На 5 месте — фаталистическое настоящее.

Рейтинг временных перспектив в группе здоровых подростков выглядит несколько иначе:

- На 1 месте — позитивное прошлое;
- На 2 месте — будущее;
- На 3 месте — негативное прошлое;
- На 4 месте — гедонистическое настоящее;
- На 5 месте — фаталистическое настоящее.

Достоверные различия между группами респондентов выявлены только по шкале негативное прошлое, которую автор методики интерпретирует как «неприятие собственного прошлого, вызывающего отвращение, полного боли и разочарований» (различия достоверны по критерию Стьюдента при $p=02$). Таким образом, результаты данной методики подтверждают отрицательное восприятие временной перспективы прошлого школьниками с ОВЗ и объясняют отсутствие связи установок на будущее с прошлым.

Исследование предпочитаемых мотивационных объектов посредством теста мотивационной индукции Ж. Нюттена позволило выявить некоторые различия между группами подростков с ОВЗ и здоровыми подростками.

Преобладающими у школьников обеих исследуемых групп оказались индукторы социального времени: «вся жизнь» и «открытое настоящее». Календарные

периоды временной перспективы у здоровых подростков, как и у подростков с ОВЗ охватывают период год и более года. Необходимо отметить, что у здоровых подростков появились дополнительные временные индукторы реального времени: день и месяц, а также историческое будущее.

В таблице представлены средние групповые значения и групповое ранжирование позитивных мотивационных объектов подростками.

Максимальные групповые показатели позитивных мотивационных объектов у подростков с ОВЗ заняли коды содержания С-контакты с другими (4,53 балла) и R — созидательная активность (3,67 балла), т.е. для них привлекательно то, в чем в данный момент они испытывают ограничения.

Средние групповые значения и ранги позитивных мотивационных объектов

		L	P	E	T	C	R	S	SR
Подростки с ОВЗ	Среднее значение	0,47	1,53	0,07	0,20	4,53*	3,67*	3,20	1,80**
	Групповой ранг	6	5	8,5	7	1	2	3	4
Подростки с показателями здоровья в норме	Среднее значение	1,53**	2,47	0,40	0,27	4,13	2,93	6,07*	0,93
	Групповой ранг	5	4	7	8,5	2	3	1	6

* — различия достоверны по критерию Стьюдента при $p = 0,05$

** — различия достоверны по критерию Стьюдента при $p = 0,001$

Минимальный групповой показатель у подростков с ОВЗ представлен таким мотивационным объектом, как E — познание. Также, мотивационные объекты P — обладание и L — отдых, набрали, соответственно, 1,53 и 0,47 баллов и заняли в групповом ранге 5 и 6 места.

Максимальные групповые показатели позитивных мотивационных объектов у здоровых подростков заняли коды содержания S-аспекты личности субъекта (6,07 балла) и C — контакты с другими (4,13 балла).

Минимальный групповой показатель у здоровых подростков представлен мотивационным объектом T — трансцендентные темы (наука, идеология, свобода, независимость). Мотивационные объекты R — созидательная активность в учебе и P — обладание заняли в групповом ранге мотивационных объектов 3 и 4 места. Отдых (код L) и самореализация (код SR) заняли, соответственно, в ряду мотивационных объектов здоровых подростков 5 и 6 места.

Полученные данные позволяют утверждать, что подростки с ОВЗ более мотивированы на контакты с окружающими и на созидательную активную деятельность (учебу), самореализацию, а менее значим для них отдых и обладание материальными объектами. Здоровые подростки больше мотивированы на себя и на контакты с другими людьми.

Таким образом, выявлены различия в значимости позитивных мотивационных объектов у подростков с ОВЗ и здоровых подростков.

На рис. 1 представлены средние групповые значения у подростков с ОВЗ и здоровых подростков по негативным мотивационным объектам.

Максимальные среднегрупповые показатели негативных мотивационных объектов у подростков с ОВЗ заняли коды содержания С-контакты с другими (4,07 балла) и S — аспекты личности субъекта (3,13 балла).

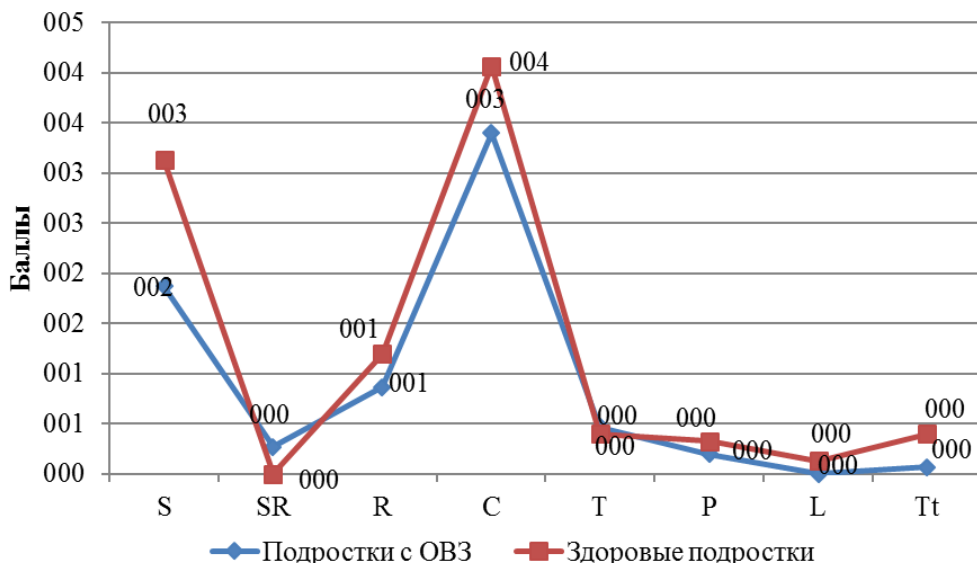

Рис. 1. Средние групповые значения негативных мотивационных объектов подростков с ОВЗ и здоровых подростков

Минимальные среднегрупповые показатели у здоровых подростков представлены такими негативными мотивационными объектами, как Р — обладание (0,33 балла) и L — отдых (0,13 балла).

Исходя из результатов диагностики, можно сделать вывод, что у подростков с ОВЗ, как и у здоровых подростков, наиболее значимым негативным объектом, является «контакт с другими людьми», что вероятно, связано с боязнью потери близких, недопонимание со стороны взрослых и сверстников. Причем, у подростков с ОВЗ негативность этого мотивационного объекта выражена несколько слабее, чем у здоровых подростков. На втором месте и у подростков с ОВЗ, и у здоровых подростков — факторы, касающиеся личности субъекта. Это — страх насмешек, боязнь быть отвергнутыми и ненужными окружению и обществу, не иметь семьи и любви. На третьем месте в обеих группах — негативные мотивационные объекты, связанные с созидательной активной деятельностью (учебой). Это — страх неудачи на экзаменах, боязнь не поступить в техникум и вуз, остаться без профессии и денежных средств.

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, приходим к следующим выводам:

- структура временных представлений всех опрошенных подростков отличается рыхлостью, фрагментарностью, параметры представлены на уровне минимальных значений;
- преобладающими являются индукторы социального времени: «вся жизнь» и «открытое настоящее»;
- подростки с ОВЗ придают меньшее значение прошлому и настоящему в сравнении со здоровыми подростками, воспринимают свое прошлое преимущественно как негативное, связывая с ним переживания со своим заболеванием;
- подростки с ОВЗ связывают позитивные ожидания с будущим, но ориентируясь на установки будущего, они склонны пренебрегать значимостью прошлого и

настоящего, что в сочетании с ориентацией на гедонистическое настоящее, может привести к уходу в ирреальный план;

– подростки с ОВЗ более мотивированы на контакты с окружающими, на созидательную активную деятельность (учебу), на самореализацию по сравнению со здоровыми подростками, что обусловлено и возрастными особенностями, поскольку общение со сверстниками является ведущей деятельностью, и привлекательностью тех объектов, в которых школьники с заболеваниями испытывают ограничения;

– мотивация добиться успеха в жизни у подростков с ограниченными возможностями здоровья достоверно выше, чем у здоровых подростков. В то же время, категории «обладание материальными объектами» и «отдых» для подростков с ОВЗ являются менее важными, чем для здоровых подростков;

– ориентации на контакт с другими людьми, созидательную активную деятельность (учебу) одновременно являются и желаемыми, привлекательными в будущем для подростков, и одновременно обладают негативной окраской, вызывая тревогу и переживания возможных неудач;

– подростки нуждаются в разработке адресных программ социально-психологического сопровождения, направленных на анализ собственных временных установок, обучения навыкам управления временем, целеполагания, осознанию своих возможностей, пониманию себя, определению своего назначения в жизни, своих профессиональных интересов и планов.

Список использованной литературы

1. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен ; под ред. Д.А. Леонтьева. — Москва : Смысл, 2004. — 608 с.
2. Cottle T.J. Perceiving Time A Psychological Investigation with Men and Women. New York : John Wiley & Sons, 1976. — 267 p.
3. Зимбардо Ф. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь: исправь Прошлое, наслаждайся Настоящим и управляй Будущим / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. — Санкт-Петербург : Речь, 2010. — 352 с.
4. Абульханова К.А. Время личности и время жизни / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 299 с.
5. Абульханова-Славская К.А. Жизненные перспективы личности / К.А. Абульханова-Славская // Психология личности и образ жизни : сб. ст. / под ред. Е.В. Шорохова. — Москва : Наука, 1987. — С. 138–144.
6. Головаха Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. — Киев : Навукова думка, 1984. — 208 с.
7. Dreves P.A., Blackhart G.C. Thinking into the Future: how a Future Time Perspective Improves Self-control / P.A. Dreves, G.C. Blackhart // Personality and Individual Differences. — 2019. — Vol. 149. — P. 141–151.
8. Przepiorkaa A. Sobol-Kwapinskab M. Religiosity Moderates the Relationship Between Time Perspective and Life Satisfaction / A. Przepiorkaa, M. Sobol-Kwapinskab // Personality and Individual Differences. — 2018. — Vol. 134, no. 1. — P. 261–267.
9. Time Perspective Differences Between Depressed Patients and Non-depressed Participants, and the Irrelationships with Depressive and Anxiety Symptoms / H. K. Lefivvre, C. Mirabel-Sarron, A. Docteur [et al.] // Journal of Affective Disorders. — 2019. — Vol. 246. — P. 320–326.
10. Зими́на Е.В. Социологическое исследование проблем и возможностей трудоустройства студентов и выпускников с инвалидностью и ОВЗ (на примере БГУ) / Е.В. Зими́на, Е.И. Нефедьева, Л.Ю. Волченко. — DOI 10.17150/2411-6262.2018.9(2).8 // Baikal Research Journal. — 2018. — Т. 9, № 2. — URL: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=22107>.
11. Седых О.Г. Проблемы формирования безбарьерной среды для людей с ограниченными возможностями / О.Г. Седых, В.А. Ковтун. — DOI 10.17150/2411-6262.2015.6(4).23 // Baikal Research Journal. — 2015. — Т. 6, № 4. — URL: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=20279>.

12. Кулик А.А. Особенности временной перспективы семей, воспитывающие детей-инвалидов / А.А. Кулик // Гуманитарный вектор. — 2013. — Т. 21, вып. 33. — С. 180–190.
13. Атанов А.А. Понятие "благополучие" в структуре смысла / А.А. Атанов // Транспортная инфраструктура Сибирского региона. — 2017. — Т. 2. — С. 768–770.
14. Немцева А.В. К вопросу о роли телесности в формировании самосознания личности / А.В. Немцева // Современный ученый. — 2017. — № 6. — С. 295–298.
15. Нефедьева Е.И. Толерантность как условие развития инклюзивного образования / Е.И. Нефедьева, Е.В. Зимина. — DOI 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-167-171 // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2018. — Т. 10, № 3-1. — С. 167–171.
16. Сырцова А. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе / А. Сырцова, Е.Т. Соколова, О.В. Митина // Психологическая диагностика. — 2007. — № 1. — С. 85–106.
17. Сырцова А. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо / А. Сырцова, Е.Т. Соколова, О.В. Митина // Психологический журнал. — 2008. — Т. 29, № 3. — С. 101–109.

References

1. Nuttin J. *Motivation, Planning, and Action: A Relational Theory of Behavior Dynamics*. Leuven University Press, 1984. 306 p. (Russ.ed.: Nuttin J.; Leontiev D.A. (ed.). *Motivatsiya, deistvie i perspektiva budushchego*. Moscow, Smysl Publ., 2004. 608 p.).
2. Cottle T.J. *Perceiving Time A Psychological Investigation with Men and Women*. New York, John Wiley & Sons, 1976. 267 p.
3. Zimbardo P., Boyd J. *The Time Paradox. The New Psychology of Time That Will Change Your Life*. New York, Atria Books, 2008. 368 p. (Russ.ed.: Zimbardo P., Boyd J. *Paradoks vremeni. Novaya psikhologiya vremeni, kotoraya uluchshit vashu zhizn': isprav' Proshloe, naslazedaisya Nastoyashchim i upravlyai Budushchim*. Saint Petersburg, Rech' Publ., 2010. 352 p.).
4. Abulkhanova K.A., Berezina T.N. *Vremya lichnosti i vremya zhizni* [Personality Time and Life Time]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2001. 299 p.
5. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Life Prospects of the Person. In Shorokhova E.V. (ed.). *Psikhologiya lichnosti i obraz zhizni* [Personality Psychology and Lifestyle]. Moscow, 1987, pp. 138–144. (In Russian).
6. Golovakha E.I., Kronik A.A. *Psikhologicheskoe vremya lichnosti* [The Psychological Time of a Personality]. Kiev, Navukova dumka Publ., 1984. 208 p.
7. Dreves P.A., Blackhart G.C. Thinking into the Future: how a Future Time Perspective Improves Self-control. *Personality and Individual Differences*, 2019, vol. 149, pp. 141–151.
8. Przepiorka A., Sobol-Kwapinska M. Religiosity Moderates the Relationship Between Time Perspective and Life Satisfaction. *Personality and Individual Differences*, 2018, vol. 134, no. 1, pp. 261–267.
9. Lefèvre H.K., Mirabel-Sarron C., Docteur A., Leclerc V., Laszcz A. Time Perspective Differences Between Depressed Patients and Non-Depressed Participants, and the Relationships with Depressive and Anxiety Symptoms. *Journal of Affective Disorders*, 2019, vol. 246, pp. 320–326.
10. Zimina Ye.V., Nefedyeva Ye.I., Volchenko L.Yu. Sociological Investigation of Employment Problems and Possibilities of Students and Graduates with Disabilities and HIA (in Terms of BSU). *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(2).8. URL: <http://brj-bgupep.ru/reader/article.aspx?id=22107>. (In Russian).
11. Sedykh O.G., Kovtun V.A. Problems of Forming Barrier-free Environment for People with Disabilities. *Baikal Research Journal*, 2015, vol. 6, no. 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6(4).23. URL: <http://brj-bgupep.ru/reader/article.aspx?id=20279>. (In Russian).
12. Kulik A.A. Peculiarities of Time Perspective of Families Nurturing Children with Disabilities. *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian Vector*, 2013, vol. 21, iss. 33, pp. 180–190. (In Russian).
13. Atanov A.A. The Concept of "welfare" in the Structure of Meaning. *Transportnaya infrastruktura Sibirskogo regiona = Transport Infrastructure of the Siberian Region*, 2017, vol. 2, pp. 768–770. (In Russian).
14. Nemtseva A.V. On the Role of Corporality in the Formation of Individual Consciousness. *Sovremennyyi uchenyi = Modern Scientist*, 2017, no. 6, pp. 295–298. (In Russian).

15. Nefedyeva E.I., Zimina E.V. Tolerance as a Condition for the Development of Inclusive Education. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social-Educational Ideas*, 2018, vol. 10, no. 3-1, pp. 167–171. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-167-171. (In Russian).

16. Syrtsova A., Sokolova E.T., Mitina O.V. The Methodology F. Zimbardo at a Time Perspective. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnostics*, 2007, no. 1, pp. 85–106. (In Russian).

17. Syrtsova A., Sokolova E.T., Mitina O.V. Adaptation of F. Zimbardo's Personality Time Perspective Questionnaire. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Magazine*, 2008, vol. 29, no. 3, pp. 101–109. (In Russian).

Информация об авторах

Трофимова Елена Леонидовна — кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной, пенитенциарной и экстремальной психологии, факультет психологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: trofimova-bgy@mail.ru.

Геранюшкина Галина Петровна — кандидат психологических наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: gergp@mail.ru.

Малахаева Светлана Карловна — кандидат философских наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: smalahaeva@yandex.ru.

Authors

Elena L. Trofimova — Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Chair of Social, Penitentiary and Emergency Psychology, Department of Psychology, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: trofimova-bgy@mail.ru.

Galina P. Geranyushkina — Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Chair of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: gergp@mail.ru.

Svetlana K. Malakhayeva — Ph.D. in Philosophy Associate Professor, Chair of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: smalahaeva@yandex.ru.

Для цитирования

Трофимова Е.Л. Особенности временной перспективы подростков с ограниченными возможностями здоровья / Е.Л. Трофимова, Г.П. Геранюшкина, С.К. Малахаева // *Baikal Research Journal*. — 2019. — Т. 10, № 4. — DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(4).6.

For Citation

Trofimova E.L., Geranyushkina G.P., Malakhayeva S.K. Features of the Time Perspective in Adolescents with Health Disabilities. *Baikal Research Journal*, 2019, vol. 10, no. 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(4).6. (In Russian).